

Первая любовь — эпизод 12 из 25

Всё мне опротивело, прошептала она, ушла бы я на край света, не могу я это вынести, не могу сладить... И что ждет меня впереди!.. Ах, мне тяжело... боже мой, как тяжело!

Отчего? спросил я робко.

Зинаида мне не отвечала и только пожала плечами. Я продолжал стоять на коленях и с глубоким унынием глядел на нее. Каждое ее слово так и врезалось мне в сердце. В это мгновение я, кажется, охотно бы отдал жизнь свою, лишь бы она не горевала. Я глядел на нее и, все-таки не понимая, отчего ей было тяжело, живо воображал себе, как она вдруг, в припадке неудержимой печали, ушла в сад и упала на землю, как подкошенная. Кругом было и светло и зелено; ветер шелестил в листьях деревьев, изредка качая длинную ветку малины над головой Зинаиды. Где-то ворковали голуби и пчелы жужжали, низко перелетывая по редкой траве. Сверху ласково синело небо а мне было так грустно...

Прочтите мне какие-нибудь стихи, промолвила вполголоса Зинаида и оперлась на локоть. Я люблю, когда вы стихи читаете. Вы поете, но это ничего, это молодо. Прочтите мне На холмах Грузии. Только сядьте сперва. Я сел и прочел На холмах Грузии.

Что не любить оно не может, повторила Зинаида. Вот чем поэзия хороша: она говорит нам то, чего нет и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду... Что не любить оно не может и хотело бы, да не может! Она опять умолкла и вдруг встрепенулась и встала. Пойдемте. У мамыши сидит Майданов; он мне принес свою поэму, а я его оставила. Он также огорчен теперь... что делать! Вы когда-нибудь узнаете... только не сердитесь на меня! Иль, может быть, соперник тайный Тебя нежданно покорил?

Настоящие мои терзания начались с того мгновения. Я ломал себе голову, раздумывал, передумывал и неотступно, хотя по мере возможности скрытно, наблюдал за Зинаидой. В ней произошла перемена это было очевидно. Она уходила гулять одна и гуляла долго. Иногда она гостям не показывалась; по целым часам сидела у себя в комнате. Прежде этого за ней не водилось. Я вдруг сделался или мне показалось, что я сделался чрезвычайно проницателен. Не он ли? или уж не он ли? спрашивал я самого себя, тревожно перебегая мыслью от одного ее поклонника к другому. Граф Малевский (хоть я и стыдился за Зинаиду в этом сознаться) втайне казался мне опаснее других. Моя наблюдательность не видала дальше своего носа, и моя скрытность,

вероятно, никого не обманула; по крайней мере доктор Лушин скоро меня раскусил. Впрочем, и он изменился в последнее время: он похудел, смеялся так же часто, но как-то глуше, злее и короче невольная, нервическая раздражительность сменила в нем прежнюю легкую иронию и напущенный цинизм.

Что вы это беспрестанно таскаетесь сюда, молодой человек, сказал он мне однажды, оставшись со мною в гостиной Засекиных. (Княжна еще не возвращалась с прогулки, а крикливый голос княгини раздавался в мезонине: она бранилась со своей горничной.) Вам бы надобно учиться, работать, пока вы молоды, а вы что делаете?

Вы не можете знать, работаю ли я дома, возразил я ему не без надменности, но и не без замешательства.

Какая уж тут работа! у вас не то на уме. Ну, я не спорю... в ваши годы это в порядке вещей. Да выбор-то ваш больно неудачен. Разве вы не видите, что это за дом?

Я вас не понимаю, заметил я.

Не понимаете? Тем хуже для вас. Я считаю долгом предостеречь вас. Нашему брату, старому холостяку, можно сюда ходить: что нам делается? мы народ прокаленный, нас ничем не проберешь; а у вас кожа еще нежная; здесь для вас воздух вредный поверьте мне, заразиться можете.

Как так?

Да так же. Разве вы здоровы теперь? Разве вы в нормальном положении?

Разве то, что вы чувствуете, полезно вам, хорошо?

Да что же я чувствую? сказал я, а сам в душе признавал, что доктор прав.

Эх, молодой человек, молодой человек, продолжал доктор с таким выражением, как будто в этих двух словах заключалось что-то для меня весьма обидное, где вам хитрить, ведь у вас еще, слава богу, что на душе, то и на лице. А впрочем, что толковать? Я бы и сам сюда не ходил, если б (доктор стиснул зубы)... если б я не был такой же чудаков. Только вот чему я удивляюсь: как вы, с вашим умом, не видите, что делается вокруг вас?

А что же такое делается? подхватил я и весь насторожился.

Доктор посмотрел на меня с каким-то насмешливым сожалением.

Хорош же и я, промолвил он, словно про себя, очень нужно это ему говорить. Одним словом, прибавил он, возвысив голос, повторяю вам: здешняя атмосфера вам не годится. Вам здесь приятно, да мало чего нет? И в оранжерее тоже приятно пахнет да жить в ней нельзя. Эй! послушайте, возьмитесь опять за Кайданова!

Княгиня вошла и начала жаловаться доктору на зубную боль. Потом явилась Зинаида.

Вот, прибавила княгиня, господин доктор, побраните-ка ее. Целый день пьет

воду со льдом; разве ей это здорово, при ее слабой груди?

Зачем вы это делаете? спросил Лушин.

А что из этого может выйти?

Что? вы можете простудиться и умереть.

В самом деле? Неужели? Ну что ж туда и дорога!

Вот как! проворчал доктор.

Княгиня ушла.

Вот как, повторила Зинаида. Разве жить так весело? Оглянитесь-ка кругом...

Что хорошо? Или вы думаете, что я этого не понимаю, не чувствую? Мне доставляет удовольствие пить воду со льдом, и вы серьезно можете уверять меня, что такая жизнь стоит того, чтоб не рискнуть ею за миг удовольствия, я уже о счастье не говорю.

Ну да, заметил Лушин, каприз и независимость... Эти два слова вас исчерпывают: вся ваша натура в этих двух словах.

Зинаида нервически засмеялась.

Опоздали почтой, любезный доктор. Наблюдаете плохо; отстаете. Наденьте очки. Не до капризов мне теперь; вас дурачить, себя дурачить... куда как весело! А что до независимости... Мсьё Вольдемар, прибавила вдруг Зинаида и топнула ножкой, не делайте меланхолической физиономии. Я терпеть не могу, когда обо мне сожалеют. Она быстро удалилась.

Вредна, вредна вам здешняя атмосфера, молодой человек, еще раз сказал мне Лушин.